

ТЕХНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

ГОРЮНОВ В. П.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербург

Главный закон материально-технического развития общества выражает соотнесенность ресурсов, затрачиваемых на осуществление производства и получаемых в его результате. В зависимости от оценки данного соотношения мы имеем ту или иную формулу производства, в соответствии с которой строится вся теоретическая модель общества. Действительная техносоциальная формула общества означает, что совокупная масса человеческих ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства.

В соответствии с техносоциальной формулой общества, как абстрактной социально-теоретической моделью, каждая конкретно-историческая общность (нация, страна, этнос и т.п. образования) характеризуется своей геоисторической формулой, складывающейся из географических, демографических, технологических, социально-культурных, геополитических факторов, обуславливающих два взаимозависимых показателя: характер внутреннего социального устройства и способ включенности в мировое сообщество (то и другое берется в аспекте отношений господства и подчинения). Иначе говоря, геоисторическая формула общности раскрывается в интенсивности или экстенсивности экономического развития, авангардности или отсталости в научно-техническом прогрессе, эволюционности или революционности социальных изменений, демократичности или авторитарности управления, уровне жизни и глубине социальной дифференциации.

В зависимости от своей геоисторической формулы, общность может существовать либо самостоятельно, будучи непосредственно встроенной в мировую или региональную систему, имея свою нишу в мировом природном и социальном пространстве; либо общность обязательно входит в какое-либо другое целое, т.е. общность более широкого плана. Например, Россия, как целое, исключительно мозаична, составляющие ее исторические общности могут

существовать по-разному, но Россия в целом может существовать лишь в виде единого экономического и политического организма с предельно сильной централизованной властью. Для отношений союза во всех отношениях равных субъектов нет достаточной равномерности экономического и социально-культурного развития.

Отношение разделения труда, будучи отношением обмена результатами деятельности, равнозначно по своему предметному содержанию в том смысле, что субъекты обмена равно заинтересованы в нем, будь то очевидный классический пример сапожника и портного или неочевидный пример хозяина и наемного работника. Однако оно не всегда эквивалентно, поскольку обмениваемые предметы и услуги не всегда равны по затраченной на их производство массе труда, ресурсов жизни. Эта масса определяется в конечном счете уровнем используемой техники и технологии в той зависимости, что по мере совершенствования последних производство удешевляется, т.е. в обмене результатами деятельности выигрывает тот, кто ушел вперед по линии научно-технического прогресса. Соответственно, в ходе нарастания темпов развития техники, по мере увеличения разрыва между передовыми и отстающими общностями отношение господства и подчинения все более опосредуется, и внеэкономические формы насилия, принуждения, свойственные периоду примитивного и потому в целом примерно одинакового уровня техники (вплоть до средневековья), сменяются экономическими (Новое время, становление капитализма) и перерастают в условиях глобализации в постэкономические. В межиндивидуальных отношениях внутри общности это выражается, в частности, в резком увеличении зависимости места человека в обществе от уровня его образования, квалификации, творческих способностей, тогда как раньше здесь главными условиями были принадлежность к сословию и/или владение собственностью. В межобщностных отношениях на смену грабительским походам и колониальным захватам приходит политика установления открытых дверей, формируется открытое в глобальных масштабах общество, в котором господствующее положение занимают передовые в научно-техническом отношении общности. Таким образом, борьба за выживание на всех уровнях все больше перемещается в область научно-технического соревнования, что, впрочем, не отменяет ни собственности на средства производства, ни прямого насильственного воздействия, в том числе военного, которое приобретает полицейский характер и переходит на высокие технологии.

Идеологический спор о капитализме и коммунизме (либерализме и централизме) не является выдумкой идеологов, это

реальный исторический спор (теоретический в Европе и практический в России), действительная проблема исторического выбора. При этом оба подхода к общественному развитию являются в одинаковой мере истинными (правомерными) и ложными (неправомерными) при абстрактном рассмотрении общества. В абсолютистской модели централизм, безусловно, более приемлем, ибо позволяет управлять процессом общественного роста. При всеобщем благополучии, “коммунистическом изобилии”, где распределение “по потребностям”, без централизма не обойтись, поскольку необходимо плановое, регулируемое развитие материального производства, жесткое обеспечение всеобщей полезной деятельности. На практике, в силу нереализуемости абсолютистской модели общества, централизм необходимо перерастает в тоталитаризм, несовместимый с изначальными целями коммунизма. Борьба либерализма и централизма здесь – это борьба несовместимых приоритетов общества и человека, в результате гуманистическая утопия реализуется в античеловеческой реальности. Коммунизм в данном случае утопичен уже просто по человеку, которого невозможно заставить работать из любви к труду. Тезис о превращении труда в первую жизненную потребность оказался искаженным в том плане, что труд изначально является первой *общественной* жизненной потребностью, т.е. потребностью общества. В условиях техносоциальной формулы действует объективный закон отчуждения труда, в результате чего идея труда “на благо общества” изначально является фикцией.

В отличие от светской мифологичности централизма, либерализм не может обойтись без мифа религиозного, поскольку без Бога не объяснить и не оправдать неравенство.

Признание и осознание техносоциальной формулы общества, переход к его релятивистской модели лишает логических и исторических оснований спор либерализма и централизма, он делает его просто бессмысленным. Переход к релятивистской модели общества рождает другие типы идеологии и мифологии.

Публичная полемика российских политических деятелей и обслуживающих их теоретиков – экспертов по поводу демократии, рынка, собственности, парламентаризма, государства, прав человека, свободы, суверенитета, войны и мира и т.д. имеет преимущественно абстрактный характер и не позволяет увидеть возможную для осуществления политику, скрытую за теми или иными риторическими суждениями, в силу своей бессодержательности. Необходим конкретный подход, ориентированный на реального социального субъекта – индивида

или общности. Субъект стремится сохранить свое существование, выжить. Этим абсолютным тезисом исчерпывается вся политика, и любые программные построения должны проверяться на полное и безусловное соответствие данному тезису. Не обеспечивающие его реализацию являются политическим браком. Однако в действительности проверка политических и экономических программ осуществляется уже задним числом.

К настоящему времени процесс политического противостояния в России, в том числе и силового, с многочисленными жертвами, не имеющий определенного завершения, достиг стадии насыщения. Утверждение о том, что народ устал от борьбы, можно переформулировать на "народ устал от неопределенности". В России неизбежно будет более привлекательной политика, провозглашаемая от первого лица (во множественном и единственном числе) и предусматривающая конкретные действия, внешне понятные основной массе населения и ориентированные на преобладающую в имущественном и организационном плане социальную силу общества. Пока что в России такой социальной силы нет, и российское массовое сознание позитивно воспринимает облик звезд, а не лидеров – вождей.

Сущность централизма в том, что существование общества (общности) выше существования индивидов. Целое, в данном случае социальное, больше суммы составляющих его частей, – вот объективное основание централизма. Данное положение не означает признания наличия общества как такового, самого по себе, как отдельного субъекта, представленного, например, в лице государства. В обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, но эта совместность является необходимым условием их существования, а не внешней заданной неизбежностью общего пространства или общего порядка.

Централизм обеспечивает верховенство общего интереса над частным, то есть существование общности, как целого. Формы властной организации исторически многообразны, будь то личная власть вождя, монарха, президента – диктатора или парламента. В этом смысле централизму нет альтернативы, и все различия между социализмом и капитализмом представляют собой нечто вторичное. Соответственно, капиталистическое общество в США является не менее централистским образованием, чем был социалистический СССР. Весь вопрос в масштабах централизации, степени охвата ею разных сфер общественной жизни, глубине проникновения в них. Все это определяется особенностями геоисторической формулы общности, а в условиях глобализации, в первую очередь, – характером ее вхождения в систему мирового взаимодействия.

Предельно возможная всеобщая централизация приводит к так называемому тоталитаризму, рассмотрение и оценка которого вне конкретно-исторических обстоятельств не имеет смысла. Не поддается централизм однозначному определению и в плоскости оппозиции категорий демократии и диктатуры. В конечном счете все измеряется объемом ее общественно значимого наполнения, степенью направленности на выражение общественного интереса. В зависимости от соотношения частного и общественного в централизме он может быть как разрушительным, так и созидательным (конструктивным и деконструктивным) механизмом общественной организации. Как правило, борьба против централизма оборачивается борьбой против самой общности, в результате чего последняя, освободившись от централизма внутри себя, попадает в жесткую централистскую систему международных отношений. При этом отдельные члены общности становятся независимыми от нее и получают полную свободу действий, обретают статус граждан мира, способных в защите своих интересов противостоять общности в целом. В лидирующих общностях, казалось бы, неограниченно либеральных, такое противопоставление частного общественному жестко пресекается.

Самым главным при анализе места и роли централизма в общественном развитии является вопрос о соотношении экономики и политики. Здесь особенно важно исходить из верховенства общественного интереса в его отношении с частным. Как известно, политика есть концентрированное выражение экономики. В лидирующих общностях, находящихся примерно на одном уровне экономического развития, будь то целостные унитарные государства или отдельные структурные элементы федераций и конфедераций, экономический и политический либерализм взаимосогласуются друг с другом как во внутренних, так и во внешних отношениях.

В зависимых, подчиненных общностях экономический либерализм и политический централизм обеспечивают придаточный характер их существования, при этом политический централизм имеет преимущественно диктаторскую форму и во многом зависит от личностных факторов. Исходя из географических и демографических условий развития современной России и ее особого места в геополитическом мировом пространстве, создание устойчивой общественной системы, саморегулируемой на основе последовательно реализуемых принципов либерализма, в обозримом будущем представляется маловероятным. Соотношение тенденций демократизма и либерализма – с одной стороны, авторитаризма и централизма – с другой, определяется не столько

внутренними, сколько внешними движущими силами развития России. Либерализм в современных условиях не обеспечивает главного – сохранения устойчивой самостоятельности в системе внешней социальной дифференциации. Таким образом, в независимой, крупнодержавной общности, какой является Россия с ее чрезвычайно дифференцированной по экономическим возможностям и условиям жизни территорией, сочетание политического централизма и экономического либерализма весьма проблематично, а сквозной либерализм просто несовместим с ее общностной целостностью.

Для России централизм есть историческая необходимость как в плане установления и поддержания единых норм общественной жизни (правил игры) внутри, так и для обеспечения внешних благоприятных условий ее существования. Однако эта объективная необходимость централизма в России, связанная с ее особенностями как интегрированного целого, никак не может перекрыть его объективного отрицания, связанного с неспособностью обеспечить эффективное управление дифференцированным целым. В данной неразрешимой проблеме выбора между централизмом и либерализмом, пожалуй, и состоит историческая безысходность российской общности.

Система решений об отказе от централизма на постсоветском пространстве подобна армейской строевой команде “Разойдись!”. Людей освободили от обязанностей перед обществом, “строй распустили” и от командной системы организации общности перешли к самоорганизации, предполагающей установление правил игры, но не предписывающей людям их роли и места в обществе. Однако в общности с глубокой социальной дифференциацией, какой является и современная Россия, где нет необходимых условий для всеобщего выживания, не может быть и единых общепринятых правил жизни, потому что в такой общности, ставшей жить по схеме “разрешено все, что не запрещено”, для многих людей сама жизнь по возможностям ее поддержания оказывается в запретной области. Иначе говоря, наряду с освобождением людей от обязанностей перед обществом произошло освобождение общества от ответственности за людей. Но такое общество нежизнеспособно, оно не в состоянии выдержать конкурентного натиска со стороны других обществ. Людей необходимо снова собрать, – вот главная задача настоящего момента и ближайшего периода для России. Весь вопрос в том, кто и как это сможет сделать?

Главное условие достижения социальной целостности России понятно в принципе: она должна стать технологически лидирующей

общностью с такой степенью превосходства, чтобы иметь преимущества в обмене результатами производственной деятельности с другими общностями и получать за счет этих преимуществ дополнительные ресурсы жизни. Но механизм реализации этого условия отсутствует, нет даже четкого видения его конструкции. И до тех пор, пока такой механизм не будет разработан, единственным ожидаемым решением проблемы сохранения России остается громкая и внятная команда “Выходи строиться!”.